

Идеи Ф.М. Достоевского в современной японской массовой культуре

Научный руководитель – Ермакова Людмила Михайловна

Новикова Вера Дмитриевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Кафедра японской филологии, Москва, Россия

E-mail: Flashlight-cat@mail.ru

Массовая культура бывает непосредственно связана с состоянием общества и способна отражать его насущные потребности, а иногда играть роль своеобразного терапевтического фактора - например, считается, что некоторые компьютерные игры способствуют разряжению агрессии.

Нередки ассоциативные связи массовой культуры с произведениями мирового искусства. Так, в манга часто встречаются скрытые цитаты из «Приключений Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла. Почему те или иные литературные и изобразительные мотивы надолго удерживаются в разных обществах - проблема, заслуживающая отдельного исследования, здесь мы ее лишь коснемся в связи с рассматриваемым материалом.

Известно, что русская литература XIX века значительно повлияла на японскую. В этом докладе мы рассмотрим воздействие творчества Ф.М. Достоевского на такие произведения японской массовой культуры, как манга.

Но прежде, чем говорить о манга, вспомним рассказ «Паутинка» Акутагава Рюноскэ, в структуре которого обнаруживается немало сходств с главой «Луковка» «Братьев Карамазовых». Оба текста повествуют о людях (разбойнике Кандате и злой бабе), сделавших в жизни лишь одно доброе дело, за которое им дается возможность выбраться из ада, цепляясь, соответственно, за паутинку (Кандата однажды пощадил паука) или за луковку (поданную бабой нищенке). Но этими средствами спасения пытаются воспользоваться и другие грешники, которых герои рассказа и притчи отталкивают. Паутинка и луковка рвутся; никто не выбирается из ада.

История о луковке включает в себе идею о том, что спасение в одиночку невозможно, и для обретения рая приходится сначала пожертвовать им же ради других людей [1]. «Паутинка» имеет схожий смысл, однако есть и иное мнение. Опираясь, прежде всего, на буддийские концепты рассказа (например, равнодушие Будды к судьбе Кандаты) Миути Ю. пишет, что в рассказе говорится о невозможности спасения человека высшим существом [2]. Однако и в христианстве Бог не поможет эгоистичному человеку - ведь даже принять эту помощь тот не способен. Такой акцент «Паутинки», по нашему мнению, не противоречит идее «Луковки».

В буддийском каноне таких сюжетов пока не найдено; часть исследователей говорит о связи «Паутинки» с переводом на японский «Кармы» П. Каруса [2, 5]. Но, на наш взгляд, непосредственная связь с Достоевским тоже возможна: образы из «Братьев Карамазовых» не раз появляются в творчестве Акутагава разных периодов [3]. Представляется,

что он как внимательный читатель не должен был пропустить главу «Луковка» - одну из ключевых в романе.

Зададимся вопросом - как отразился рассказ Акутагава (а, косвенно, - и роман Достоевского) на массовой культуре Японии? Первой адаптацией Достоевского стала манга «Преступление и наказание», созданная в 1953 году Тэдзука Осаму. Сам автор пишет, что хотел донести содержание книги до детей, поэтому изменил сюжетную линию и образы некоторых персонажей, однако и это не способствовало популярности работы. [4]. Дело в том, что манга Тэдзука, являясь произведением массовой культуры, все же не стала действительно легкой для понимания. Автор далеко отошел от текста первоисточника, представив свое собственное восприятие его проблематики. Для Тэдзука «Преступление и наказание» - это роман о том, как идея сверхчеловека приводит к необратимому последствию - кровавой революции. Поэтому действие перенесено в 1917 год; введено множество деталей эпохи и состояния общества. Финал подчеркивает основную мысль: раскаяние Раскольникова уже неспособно ничего изменить, толпа не слушает его крик - признание в убийстве, он покидает людское сборище под звуки ружейных выстрелов. Эта концовка более пессимистична, чем в романе, но, по нашему мнению, вполне выражает отношение Достоевского к революции.

В 2012 году начинается выпуск манга Самбэ Кэй «Город, в котором нет только меня» («Боку дакэ га инай мати»). Ее герой Микохара Гаку еще в детстве задумывается над основной мыслью «Паутинки». Но более реалистичной ему кажется идея о спасении за счет других людей, так сказать, «идя по головам». Однажды он бескорыстно помогает младшекласснику и после этого начинает буквально видеть «ниточки», протянутые с неба над людьми, которым он помог или мог бы помочь, но, не желая разделять свою «паутинку» ни с кем, он будет, напротив, убивать этих людей, до конца оставаясь в своем аду неисполненных желаний.

В «Преступлении и наказании» есть образ, похожий на Гаку. Это Свидригайлов. Несмотря на то, что этот персонаж как будто в шаге от гибели своей души, он совершает много добрых дел, и ему постоянно дается возможность спастись, которую он игнорирует [1]. Также важная деталь сходства: и Свидригайлов, и Гаку - не условные персонажи притчи. Они изображают конкретных людей, которым в повседневной жизни даются шансы на спасение.

Мы видим, что история Свидригайлова в романе выражает христианскую идею о постоянной готовности Бога помочь человеку, если только он сам сделает шаг навстречу [1]. В манга сходная мысль логично переплетается с сюжетом о паутинке. Неизвестно, имеем ли мы дело с прямым заимствованием. По меньшей мере, сама по себе такая идея существует в японском сознании и может в нем актуализироваться под влиянием произведений Достоевского.

Итак, мысли Достоевского, пришедшие в Японию посредством переводов и укоренившиеся в творчестве некоторых японских писателей, нашли, видимо, отклик в японском обществе, так как они до сих пор влияют на структуру и пафос манга - произведений массовой культуры. В некотором смысле, «Преступление и наказание» Тэдзука Осаму - это адаптация, но это и тонкий анализ романа Достоевского. Работа Самбэ Кэй представляет собой синтез мотива «Паутинки» и идей, общих для христианства и буддизма. При этом «Паутинка», независимо от замысла автора манга, актуализирует в произведении и

подтекст романа Достоевского с его Свидригайловым, обнаруживающим явное сходство с японским Гаку.

Можно предположить, что некоторые идеи Достоевского близки японскому сознанию, и это, возможно, - одно из объяснений его популярности в Японии.

Источники и литература

- 1) Касаткина Т.А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М., 2015.
- 2) Момииути Юко. Рассказ Акутагава Рюносукэ «Паутина» // Известия Восточного института. 2007. №14. С.152-157.
- 3) Туниманов В.А. Одна луковка и две паутинки (Ф.Достоевский, Л. Толстой, Рюносукэ Акутагава) // Acta Slavica Iaponica. 1995. №13. С. 184-224.
- 4) Тэдзука Осаму. Преступление и наказание. Екатеринбург, 2011.
- 5) Paul Carus. Karma. Nirvana. La Salle, Illinois, 1973.